

УДК 347.633

DOI: 10.17223/22253513/26/13

Р.П. Мананкова, Н.В. Липовских

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ

Многие практические вопросы усыновления трудно решить из-за несовершенства семейного законодательства. Без теории справедливый и доступный каждому гражданину закон появиться не может. В статье показаны разные грани такого сложного правового явления, как тайна усыновления. Выявлены пробелы в законе, дано теоретическое обоснование предложенных решений.

Ключевые слова: тайна, благо, институт, правомочие, информация, Конституционный Суд, решение.

В последние годы заметно усилился интерес к проблеме усыновления. В значительной степени это можно объяснить активной информационной политикой средств массовой информации, отражающей в большей или меньшей мере реакцию широких слоев населения на реальные события. Но главный фактор, обуславливающий интерес, – это существование и даже обострение социальной проблемы детей, оставшихся без попечения родителей. Озабоченность судьбами огромного количества детей, оказавшихся в условиях трудной жизненной ситуации, выносит в число дискуссионных и сугубо правовые вопросы. Одним из них является вопрос о сохранении тайны усыновления в нашем законодательстве.

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. есть революционный для России пункт: «Переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления». Итоги этой программы должны были подводиться осенью 2017 г. Однако выполнить общероссийский объем действий на 100 %, очевидно, не удалось.

Так, заявленный переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления вызвал бурную реакцию научного сообщества и практиков (в том числе сотрудников ЗАГСов городов Томска, Новосибирска). Практики единодушно считают, что вопрос об отмене был поставлен преждевременно, и все они категорически выступают за сохранение тайны усыновления.

Мнения ученых разделились. Юристы, специализирующиеся в области семейного права, выступают традиционно «за» сохранение тайны усыновления. Исключение составляет позиция М.В. Антокольской. Не вступая в полемику с уважаемым автором, надо сказать все же о необходимости учета социальных и территориальных моментов. Огромная многонациональная Россия и Нидерланды, где «все друг друга знают», – это очевидно разные полигоны для резких правовых решений вроде отказа от тайны усыновления.

Целесообразность и эффективность норм, обеспечивающих тайну усыновления, подтвердились их многолетним применением, позволяющим защищать интересы усыновителя и усыновленного. Волеизъявление усынови-

телей, направленное именно на такую форму устройства детей, имеет решающее значение. Возможность усыновления ребенка – это субъективное право гражданина, а не обязанность, возложенная на него государством. Если усыновители не желают скрывать, что их ребенок усыновлен, то изначально могут выбрать другие формы устройства детей (опека, попечительство, приемная семья).

Указом Президента № 240 от 29 мая 2017 г. утвержден проект «Десятилетие детства на 2018–2027 годы», плана мероприятий пока нет. Этот проект должен стать продолжением Национальной стратегии действий в интересах детей. Можно выразить надежду, что в разработке программы будет заложено более деликатное отношение к данному вопросу. Одной из первостепенных задач должно быть развитие российского менталитета по отношению к такой форме устройства детей, как усыновление, и к сохранению тайны усыновления. Отказ от тайны усыновления может привести к потере из общего числа усыновителей доли тех потенциальных усыновителей, для которых одним из основных условий является именно тайна усыновления.

Отмена и даже ослабление ограничений в реализации права на доступ к информации о тайне усыновления могли бы повлечь только негативные последствия. Во-первых, разрушение устоявшихся институтов, сложившихся веками. Имеются в виду прежде всего и применительно к настоящему разговору институты ЗАГСов, архивов. Открытие архивов для свободного доступа любых лиц породило бы в масштабах огромной страны разгул коррупции, анархию и беспорядки.

Всякие эксперименты с ЗАГСами представляют огромную опасность. Этот вывод основан на конкретном опыте в Чеченской Республике в 90-х гг., когда местным ЗАГСам запретили выдавать соответствующие документы о рождении и смерти. Практики, госслужащие, принимавшие участие в устранении последствий этого эксперимента, могут свидетельствовать о деталях.

Во-вторых, в числе последствий проявилось бы существенное воздействие на систему законодательства, обеспечивающего функционирование названных институтов. Пока эти блоки разноотраслевого нормативного материала нормально работают, их не надо реформировать без нужды.

В ряду оснований для ограничения права на доступ к информации Конституция закрепляет такие ценности, как нравственность и здоровье. Применительно к «тонким» семейным правоотношениям по усыновлению вторжение в эту сферу, ломка традиционных представлений, менталитет российского общества способны нанести непоправимый вред значительной части населения.

В-третьих, открытое усыновление, т.е. снятие ограничений на доступ к информации, означало бы игнорирование очевидной для специалистов тенденции в законодательстве – усиление защиты личности, а именно ужесточение режима персональных данных гражданина, развитие института частной охранной деятельности и др. По информации Госкомстата, 1,5 млн трудоспособных мужчин заняты в качестве охранников-телохранителей.

Древнейший институт усыновления за свою многовековую историю претерпевал всевозможные изменения, но он всегда был, как утверждают исследователи (А.М. Нечаева, прежде всего), обусловлен временем и своеобразием

того или иного отрезка истории государства российского. Именно усыновление во все времена, как зеркало, отражало особенности государственного воздействия на семейные отношения.

Своеобразие нынешнего этапа развития России в данном контексте не нуждается в обосновании, тем более в оценках. Уже признано, что состояние юридической науки сейчас далеко не всегда удовлетворяет потребности как законодателя, так и практиков. Особенно остро воспринимаются слабая теоретическая проработка, научный фон и межотраслевое взаимодействие некоторых нормативных актов. К их числу вполне обоснованно относят и акты, обеспечивающие охрану тайны усыновления.

Среди них наиболее заметна ст. 139 СК. С каких бы позиций ее ни оценивать, бесспорно одно – в ней явно мало необходимой информации, хотя Конституции она и не противоречит. В семейно-правовой литературе предложено много решений, направленных на конкретизацию, дополнения ст. 139 СК. Однако законодатель не спешит реагировать на них и скорее всего потому, что в рамках семейного права все проблемы, связанные с тайной усыновления, решить все равно не удастся.

Обобщая имеющиеся доктринальные представления, советский и современный опыт применения норм о тайне усыновления, предлагается квалифицировать тайну усыновления как сложное многогранное правовое явление, как феномен, имеющий различную правовую природу. Во-первых, это совокупность норм различной отраслевой принадлежности, т.е. институт законодательства.

К нормам, направленным на сохранение тайны усыновления, относятся ст. 134–136, 139 Семейного кодекса РФ, позволяющие сохранить тайну изменения имени, фамилии, отчества ребенка, даты и места его рождения, о записи усыновителей в качестве родителей усыновленного ими ребенка.

Впервые тайна усыновления была законодательно закреплена в ст. 110 КОБС РСФСР 1969 г., в которой содержались положения, гарантирующие осуществление тайны усыновления: изменение места и даты рождения усыновленного ребенка; запрет без согласия усыновителей, а в случае их смерти без согласия органов опеки и попечительства сообщать какие-либо сведения об усыновлении либо выдавать выписки из книг регистрации актов гражданского состояния, из которых было бы видно, что усыновители не являются кровными родителями усыновленного. В указанной статье говорилось и о том, что лица, разгласившие тайну усыновления против воли усыновителя, могли быть привлечены к ответственности в установленном законом порядке. Эти положения детализированы в подзаконном акте – инструкции «О порядке регистрации актов гражданского состояния в РСФСР», утвержденной Постановлением Совета Министров РСФСР от 17 октября 1969 г. № 592 (V разд. – регистрация усыновления (удочерения).

В Гражданском кодексе исследуемые отношения регулируются нормами ст. 128, 150, 151, 152² ГК РФ.

В структуру данного нормативного массива входят также нормы ст. 10, 269–275 ГПК РФ. Дела об усыновлении рассматриваются в закрытом судебном заседании с обязательным участием усыновителей (усыновителя), представителя органа опеки и попечительства, прокурора, ребенка, достигшего

возраста четырнадцати лет, а в необходимых случаях – родителей, других заинтересованных лиц и самого ребенка в возрасте от десяти до четырнадцати лет.

Трудовой кодекс в ст. 257 содержит положение о предоставлении отпуска работникам, усыновившим ребенка.

К нормам, направленным на сохранение тайны усыновления, также относятся ФЗ № 44 от 16.04.2001 (ред. от 08.03.2015) «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей»; ФЗ № 143 от 15.11.1997 «Об актах гражданского состояния»; ФЗ от 22.10.2004 № 125 «Об архивном деле в Российской Федерации». Особое значение имеют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей».

Впервые в 1970 г. в Уголовный кодекс РСФСР была внесена норма об уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления против воли усыновителя. В настоящее время особое место занимает ст. 155 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за разглашение сведений, составляющих тайну усыновления.

Всякий анализ предполагает наличие исходного понятия в контексте «тайна усыновления». Если не углубляться в детали внутриотраслевых споров ученых-семейников, то это понятие однозначно определяется как сведения о факте усыновления. Оно вполне пригодно для использования в качестве легального в той же ст. 139 СК – «Тайна усыновления, то есть сведения о личности усыновителей, родителей усыновленного, об усыновленном ребенке, времени, месте и других существенных обстоятельствах усыновления».

Понятие тайны усыновления существует в тесной связи со множеством других понятий (тайна семейная, личная, тайна личной жизни, врачебная, служебная, профессиональная, нотариальная и т.д.). В конкретном жизненном сюжете эти понятия могут сочетаться именно в силу множественности субъектов, участвующих в громоздкой процедуре усыновления ребенка. В теоретическом плане эта взаимосвязь заслуживает внимания, если иметь в виду необходимость совершенствования соответствующей нормативной базы.

Понятие тайны усыновления имеет прямое отношение к более общему понятию – «информация», получившему легальное закрепление. «Информация – это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [1]. Есть и другое, более позднее по времени и вероятно более точное определение информации. «Информацией являются любые сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления» [2].

Сведения о факте усыновления – это разновидность информации, соотношение этих понятий очевидно – род и вид; общее и частное.

Эта взаимосвязь как предмет исследования позволяет приблизиться к пониманию правовой природы тайны усыновления, во всяком случае дает основания для постановки вопроса о возможности распространения общих положений теории правовой информации на теорию тайны усыновления и, по-видимому, других личных и семейных тайн.

Информация как символ нашего времени исследуется и юристами настолько интенсивно, что так называемое «информационное право» в системе отечественного законодательства квалифицируют в диапазоне от подотрасли до мегаотрасли. Иначе говоря, объем нормативных предписаний стремительно возрастает, и, кажется, до пределов далеко.

Естественно, что теоретическое обоснование предпринимаемых правовых решений вряд ли можно считать завершенным.

Одним из принципиальных является вопрос о правовой характеристике права на информацию. Собственно говоря, это право и находится в центре внимания: его понятие, содержание, проявления, гарантии и др. Единодушие достигнуто только в его квалификации как конституционного по правовой природе, и это исключительно важно. Хотя трудно удержаться от замечания в адрес специалистов в этой области – о терминах договориться пока не удалось. Это право именуют пока по-разному:

- 1) право на доступ к информации;
- 2) право на свободный поиск и получение информации;
- 3) право на информацию;
- 4) право на свободу информации.

Так или иначе, но конституционное право на доступ к информации является структурно-сложным и имеет много разновидностей в отраслевом законодательстве. Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, любое ограничение конституционных прав граждан должно соответствовать критериям адекватности и соразмерности, базироваться на общих принципах права, отвечать требованиям справедливости.

Обстоятельный анализ правовой ситуации, сложившейся в связи с отказом предоставить информацию об усыновлении, дан в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П по делу Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гушиной. Суть жалобы: в 30-х гг. москвичи усыновили испанского мальчика, которого вывезли в СССР в связи с гражданской войной 1936–1939 гг. В 2006 г. усыновленный Грубич Георгий умер, а в 2010 г. его жена и дочь в поисках информации о деталях давнего усыновления обращались в архивы ФСБ, ЗАГС и, наконец, в Конституционный Суд. Оспаривалась ст. 139 Семейного кодекса и ФЗ РФ «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ.

Позиция Конституционного Суда, признавшего положения названных актов не противоречащими Конституции РФ, уже неоднократно анализировалась в литературе. Здесь же заслуживают внимания лишь некоторые аспекты. Прежде всего разъяснения касаются не только тайны усыновления, но и других видов тайны (личной, семейной, тайны частной жизни).

В плане гарантий права на информацию и его ограничений Конституционный Суд очень своевременно и определенно говорит о разных уровнях гарантий этого права и разной степени его возможных ограничений. И что особенно важно, в тексте постановления есть содержательная фраза о том, что федеральный законодатель в процессе совершенствования правового регули-

рования тайны усыновления вправе установить специальный правовой механизм при соблюдении баланса прав и интересов и установленных требований. Причем механизм действия закона должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений.

Во-вторых, тайна усыновления понимается и как объект гражданского права. Такой вывод прямо следует не только из старой доктрины о том, что объектами правоотношения (плюралистическая теория) являются материальные и иные блага, но и хорошо известных всем цивилистам норм (ст. 128, 150, 151, 152² ГК РФ).

Наконец, о тайне усыновления есть все основания говорить как о субъективном праве (правомочии). Разумеется, в Семейном кодексе РФ об этом не прочитать.

По смыслу п. 2 ст. 139 СК существует обязанность судей, вынесших решение об усыновлении ребенка, должностных лиц, осуществивших государственную регистрацию усыновления и т.д. (по тексту), сохранять тайну усыновления. Эта юридическая обязанность входит в содержание неоднородных правоотношений. Имеются в виду публично- и частноправовые.

Обязанность сохранять, не разглашать тайну усыновления и была нарушена работниками ЗАГСа Хамовнического района г. Москвы; всю информацию по усыновлению испанского ребенка заявительницам не выдали, но сказали, что она у них имеется.

С другой стороны, в частноправовом отношении тайна усыновления – это благо, секрет прежде всего самих усыновителей. Не случайно в законодательстве всегда делается акцент на воле усыновителя. Тем самым управомоченный субъект определен. Представляется, что право на сохранение тайны усыновления носит абсолютный характер, а пассивно обязанными являются неопределенный круг лиц, всякий и каждый, если помнить о древней доктрине. Другое дело, что наиболее вероятные нарушители обозначены в самом законодательстве (ст. 139 СК РФ, ст. 155 УК РФ).

Интерес представляет вопрос о моменте возникновения этого правомочия и его связи со сложным правоотношением по усыновлению. Сколько бы времени не продолжалась процедура усыновления, сколько бы людей и документов не было составлено, тайны как объекта правовой охраны не существует. Тайна, т.е. и правомочие на тайну, возникает сразу и в полном объеме только в результате последовательной реализации всех стадий сложной разнотраслевой системы правоотношений, оформляющих процедуру усыновления. В конечном счете тайна и сформируется из той информации, которая собрана, исследована и оценена с участием многих субъектов. Но элементарное (простое) абсолютное правоотношение между усыновителем и всяким и каждым пассивно обязанным воздерживаться от разглашения тайны возникает только на базе завершившегося процесса, состоявшегося усыновления.

При удовлетворении просьбы об усыновлении суд признает ребенка усыновленным конкретными лицами (лицом) и указывает в решении суда все данные об усыновленном и усыновителях (усыновителе), необходимые для государственной регистрации усыновления в органах записи актов гражданского состояния (ст. 274 ГПК РФ).

Право усыновителя на сохранение тайны усыновления по существу добавляется, включается в содержание возникшего из факта усыновления родительского (тождественного ему) правоотношения. А юридическая обязанность не разглашать эту тайну может входить в содержание правоотношений различной отраслевой принадлежности.

Литература

1. ФЗ от 20.02.1995 г. № 24 «Об информации, информатизации и защите информации».
2. ФЗ от 27 июля 2006 г. № 152 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Manankova Raisa P., Lipovskikh Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

LEGAL NATURE OF THE SECRECY OF ADOPTION

Keywords: secrecy, benefit, institute, competence, information, Constitutional Court, decision.

The content of the given article covers, first, the substantiation of relevance of the problem designated in the title. Nowadays family legislation represents in general a poorly working Soviet model, a copy from the Marriage and Family Code of RSFSR 1969. It is the only branch, in which the scientists-family law specialists have not developed their interest.

Old norms cannot work effectively under new conditions, the theoretical basis for optimum legal regulation is necessary. Therefore, secondly, the theory of family law comes to the forefront. The conceptual foundation for reforms is necessary. The law shall reflect the influence of private property on specific family relations. It is necessary to designate the plurality of objects which citizens have the right to possess now. Innovations in the institute of joint property of spouses are of special interest. Such questions of secrecy as family secrecy, personal secrecy and adjacent secrets deserve special attention as kinds of information.

Legal theorists research the concept of secrecy of adoption as information about the fact of adoption itself. The authors of the given article show the legal nature of secrecy of adoption as a many-sided phenomenon. They outline four characteristics of it 1) as the set of norms of a separate sector, i.e. the institute in the Russian legislation system. The norms of family, civil, labor, criminal law, social security and civil procedural law are meant. This block includes bylaws; 2) as a type of the constitutional right to information. By the general rule, it is implemented in sector specific legislation; 3) as a non-material benefit in the system of objects of civil legal relationship. Personal secrecy, family secrecy, secrecy of adoption and privacy can be referred to it; 4) as the subjective right (competence) of the adoptive parent arising after the judgment about the adoption of child comes into legal force. The question of such a characteristic of the right to secrecy of adoption in the present article is raised for the first time. As substantiation on the example of the only case tried by the Constitutional Court, the following arguments are adduced. Only adoptive parents have this right, it is of an absolute character and it is resisted by a passive legal duty of any and every person to abstain from disclosure of a secret. Primarily, according to the sense of Article 139 of the Family Code and Article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation these are the subjects involved in a complex procedure of adoption.

References

1. Russian Federation. (1995) *Federal Law № 24 of February 20, 1995, On Information, Informatisation and Protection of Information*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887/. (In Russian).
2. Russian Federation. (2006) *Federal Law № 152 of July 27, 2006, On Personal Data* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/. (In Russian).